

**ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ЭССЕИСТИКЕ ДЖ. ФАУЛЗА**

Понятие национальной идентичности приобретает особую актуальность в современном мире. Художественная литература занимает не последнее место в изучении данного феномена. Она фиксирует и формирует представления о национальной идентичности, которая, в свою очередь, служит способом понимания литературного процесса и отдельного произведения. В этом отношении представляется закономерным обращение к национальной проблематике в творчестве английского писателя Джона Фаулза (*John Fowles*, 1926–2005), так как тема национальной идентичности вызывает у него неизменный интерес.

Сложность понимания национальной идентичности англичан заключается в сосуществовании двух феноменов: «британскости» и «английскости». По мнению британского историка Пола Лэнгфорда, парадоксально то, что национальное государство, обладающее такой долгой историей и таким обостренным чувством обособленности, могло быть настолько неуверенным относительно той нации или наций, которые составляют Британию. Он полагает, что это одно из проявлений английского империализма, создание централизованного государства на основе языка и образа

британскости с тем, чтобы ослабить оппозиционные политические традиции и подавить национальные культуры. П. Лэнгфорд утверждает, что трудно найти какую-либо британскую особенность, которая на деле не совпадала бы с предположительно английской особенностью. По его мнению прилагательное «британский» уместнее использовать по отношению к государственному устройству или правительственным институтам и обычаям, разделяемыми представителями всех составных частей Британии.

Дж. Фаулз в своих романах обращается к сути английского национального характера, к поиску истоков «английскости». Среди его произведений есть и два эссе, которые посвящены проблематике национальной идентичности – «Быть англичанином, а не британцем» (*On Being English, not British*, 1964) и «Фолклендские острова и предсказанная смерть» (*Falklands and a Death Foretold*, 1982). Как большинство писателей его поколения, на чьих глазах в середине XX в. происходил болезненный для национального самосознания процесс распада Британской империи, Дж. Фаулз противопоставляет «английскость» и «британскость». Он показывает, что «британскость» не имеет никакого отношения к тому, что на самом деле составляет английский национальный характер. В своем понимании того, что значит быть англичанином, Дж. Фаулз исходит из собственной концепции личности, основанной на осознании необходимости принять ограниченность собственной свободы, принять собственную изоляцию и изучить собственные способности. Такие черты, как одержимость личной свободой, острое чувство человеческого достоинства, нравственная щепетильность, нонконформизм, индивидуализм мышления и поведения являются константами английского национального характера.

Эссе «Быть англичанином, а не британцем» посвящено исследованию феномена «английскости». В нем два центральных образа – Зеленая Англия как квинтэссенция английскости и противостоящая ей Красно-сине-белая Британия как средоточие всего того, что английскости чуждо. Зеленая Англия имеет две составляющие: географическую и мифологическую. Тот факт, что Англия – остров, объясняет обособленность англичан, позволяет им быть наблюдателями в большей степени, чем участниками происходящего в мире.

Мифологическая составляющая основывается на легенде о Робин Гуде. Миф о Робин Гуде, считает Дж. Фаулз, строится на принципе «сокрытия», бегства в метафорические зеленые леса. Здесь речь идет о таких английских поведенческих и психологических чертах, сущность которых может быть сведена к формуле «мой дом – моя крепость». Робин Гуд перестает быть Робин Гудом, как только выходит из-под деревьев примирителем или победителем. Дж. Фаулз говорит о метафорическом «перенесении» Англии лесов в мысли англичан, а мысли по-прежнему обращены к лесу и помогают им оставаться в своей сути Справедливыми Разбойниками. В уходе в метафорические зеленые леса, способности укрыться за маской, симулирующей согласие, способности улыбаться, когда невозможно не испытывать ненависть, представители других национальностей часто видят только проявление ханжества. И лишь в искусстве, по мнению Дж. Фаулза,

проявляются богатство воображения, чувство юмора, меланхоличность, холерический темперамент, чувство горечи, сентиментальность, искренность, способность глубоко погружаться в личные переживания – все характерные черты, нашедшие свое выражение в одном из самых откровенно английских документов – в сонетах У. Шекспира. Зеленая Англия так или иначе есть в творениях всех великих англичан – художников, музыкантов, писателей и поэтов. Безграничная любовь Дж. Фаулза к Зеленой Англии сменяется неприятием военной, ханжеской Красно-сине-белой Британии. Этот образ создавался на протяжении веков, а во время правления королевы Виктории прочно укрепился в литературе и сознании людей. Поэтому представления о чертах английского национального характера основываются на тех стереотипах, которые окончательно сложились в эпоху викторианства: английская чопорность и сдержанность, образ настоящего английского джентльмена, верность традициям, консерватизм, четкая стратификация английского общества, нелюбовь к иностранцам. Эпитеты для англичан периода империи такие, как «высокомерно справедливы», «ханжи все до единого», ставшие общим местом и воспринимаемые как очевидное, как считает Дж. Фаулз, навязаны англичанам извне и им чужды. Он утверждает, что англичане – природные распространители справедливости – обречены оставаться зелеными – во всех смыслах этого слова.

Восемнадцать лет спустя Дж. Фаулз снова обращается к теме национальной идентичности в эссе «Фолклендские острова и предсказанная смерть». Поводом для этого стала война с Аргентиной за Фолклендские острова. Писатель был потрясен бессмысленностью и трагизмом событий этой войны. Первой причиной произошедшего, по его мнению, является глобальная проблема всего человечества – перенаселенность, которая создает для властной элиты – правой или левой – прекрасную возможность найти любые оправдания, использовать любые рычаги управления. В экстремальных ситуациях она служит оправданием и терроризму, и введению чрезвычайного положения. Второй причиной войны стало широкое распространение средств массовой информации и гегемония рекламы.

Дж. Фаулз уверен, что война пробудила «древнюю душу» народа – комплекс инстинктов и ощущений, которые мы получаем в наследство как от нашего доисторического, так и исторического прошлого. Народ Британии, по его мнению, превратился в ничто иное, как в племя людей каменного века, в благоговейном ужасе вззирающее на шамана. Двадцатый век показал, насколько сильно в людях первобытное начало: власть ритуала и жажда власти, жажда новых территорий за чужой счет, стремление мстить врагам и инакомыслящим, самоназначенные «олигархии», ксенофобия. Миром управляют темные силы, поэтому всему человеческому, индивидуальному не остается шансов на выживание. Если бы после 1945 г. и распада империи в Британии действительно родилось бесклассовое открытое общество, то ситуация с Фолклендами была бы просто невозможна, как невозможно было бы и само правительство в стиле миссис Тэтчер, – считает Дж. Фаулз. В качестве доказательства он упоминает о наличии в Великобритании

«кланового тотема периода неолита» – института монархии. Его удручает не само наличие данного института, а марионеточная роль монархии, когда ей приходится, согласно воле тех, в чьих руках реальная власть, по первому требованию становиться на их сторону.

Если в первом, более раннем эссе, есть положительный образ Зеленой Англии, противопоставляемый империалистической Британии, то во втором осуждается любой национализм как угроза существованию человечества на земле. Дж. Фаулз заявляет, что Красно-сине-белая имперская Британия – дело истории, фикция. Он остается верен себе в стремлении оставаться англичанином, точно так, как уэльсец – это валлиец, а уроженец Шотландии – шотландец, он не хочет быть британцем.

Свою позицию касательно событий Фолклендской войны Дж. Фаулз высказывает предельно открыто и приходит к выводу, что в современном мире истинная сфера применения национализма – это не политика, а искусство и культура. Только настоящие художники могут в полной мере осознавать и предвидеть, какой мощью могут обладать слово и образ и каковы могут быть последствия, если использовать их мощь во зло.